

шениями, с системой нравственных ценностей и оценок» [5; 9]. Во второй главе «Топонимическая концептосфера как отражение мировосприятия и аксиологически-оценочной системы этноса» работы Е.Ф. Ковлакас описываются концепты «Человек», «Гора», «Река» как специфические формы ментального бытия топонимической системы. Концепт «Человек» рассматривается на основе анализа антропонимов и этнонимов, выявленных в основах топонимов Краснодарского края и Республики Адыгея, концепт «Гора» исследуется на материале оронимов, «Река» – гидронимов.

Таким образом, анализ ономастических публикаций, посвященных описанию топонимической картины мира, свидетельствует о том, что обращение к данному понятию позволяет ученым выйти на новый уровень исследования топонимической системы, когда во главу угла ставятся вопросы отражения топонимами ценностных приоритетов и особенностей мировидения конкретного лингвокультурного сообщества. Исследование топонимической картины мира открывает доступ к познанию идеотнической языковой картины мира, представляющей собой сложную иерархическую систему, полная реконструкция которой является трудновыполнимой задачей, так как «даже при целенаправленной рефлексии картина мира познается и осознается человеком только фрагментарно, в ее отдельных компонентах, участках, не может быть охвачена полностью, во всей своей целостности» [4; 15]. Моделирование и изучение топонимической картины мира представляется перспективным направлением исследования картины мира в целом.

Литература

1. Васильева, С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.П. Васильева. – Красноярск, 2005. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа : 12.05.2011.
2. Дмитриева, Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Дмитриева. – Барнаул, 2002. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа : 25.05.2012.
3. Жетельска-Фелешко, Э. Глядя на имена собственные / Э. Жетельска-Фелешко // Вопросы ономастики. – 2010. – № 2. – С. 124-138.
4. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т ; Л.А. Климкова. – М., 2008. – 65 с.
5. Ковлакас, Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.Ф. Ковлакас. – Краснодар, 2009. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа : 18.01.2012.
6. Правдикова, А.В. Микротопонимия как отражение картины мира : На материале английской литературы XIX-XX вв. [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.В. Правдикова. – Волгоград, 2009. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа : 07.05.2013.

О.Н. Волкова (Сумской государственный университет, Украина)

ОПРОЩЕНИЕ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ ВСЛЕДСТВИЕ РАЗРЫВА СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Опрощение – это один из исторических процессов трансформации морфемной структуры, отличающийся длительностью и сложностью, т.к. он не является сугубо дериивационным явлением, а включает в себя семантические, исторические и другие явления, без комплексного анализа которых невозможно его полное научное понимание. Благодаря данному процессу в языке появляются новые корневые слова, выходят из употребления непродуктивные аффиксы.

Опрощение считают наиболее распространенным и наиболее важным изменением состава слова, которое в большинстве случаев «сопровождается деэтимологизацией слова как номинативной единицы, в результате которой оно из мотивированного названия ... становится немотивированным» [7, 121].

В настоящее время лингвисты выделяют несколько степеней этого процесса, исследуют причины опрощения с градацией их важности [1; 3; 7]. Утрата смысловой связи между деривационными коррелятами является, по мнению О.Е. Ольшанского, «наиболее общим проявлением семантических изменений, приведших к опрощению суффиксальных существительных» [2, 90].

В момент возникновения лексемы, как правило, являются мотивированными, однако в процессе функционирования их значение подвергается различным семантическим трансформациям. Это приводит к разрыву этимологических связей между ранее родственными словами. Именной суффиксальный дериват утрачивает связь с производящим словом, теряет свою «внутреннюю форму», а суффикс десемантизируется и сливается с корневой морфемой. Такое опрощение может происходить в результате сдвига в семантике производящего слова, производного слова или в двух таких лексемах одновременно.

Сам термин *животное* пережил несколько фаз опрощения такого типа. Исконно слово *животное* (др.-р. форма *животъное*) – это суффиксальное (-ьн-) производное от существительного *живот*, которое ранее имело такие значения, как «жизнь» (ср. *не щадя живота своего*), «источник жизни», откуда «имущество, богатство» (ср. укр. *ледве животіти* «плохо жить») и «часть тела человека и животного».

В свою очередь существительное *живот* было произведено посредством суффикса -от- (ср. *робот*) от прилагательного *живой*. Оно исконно тоже было мотивированным и произведённым от глагола *жить* с помощью суффикса -в-. Словообразовательная и семантическая история слова *животное* такова: др.-р. *жити* «быть живым» > *жи-в-ыи* «живой» > *жи-в-от-ъ* «источник жизни, богатство, часть тела» > *жи-в-от-ьн-ое* «живое существо». Затем субстантивация и терминологизация привели к ослаблению семантических и деривационных связей с производящими основами и опрощению, поэтому данная лексема в русском языке считается непроемной: *животное* [5, I, 347; 8, 130; 9, II, 52; 6, I, 539-540; 4, 178].

Такой мотивирующий признак, как «рогатый» послужил основой для возникновения наименования *зубр*, родственного слову *зуб*. Форма этих слов развилась из праславянского корня **zobъ* (ср.: польск. *zab*, словц., чеш. *zub*, др.-р. *зоубъ* «зуб»), первоначально обозначавшего что-то «выросшее; выступ». Этимологи связывают этот корень с и.-е. глаголом **genti* «рождать, расти», где чередование *e/o* в корне сочеталось с разными носовыми согласными: *on/om*. В индоевропейских языках им соответствуют: лит. *Žembei* «прорастать», *žambas* «рог»; греч. *Gomphos* «зуб» и «гвоздь». Из этого следует, что корень *зуб* исконно имел более широкую семантику, обозначая твердый острый выступ (*зуб, рог, гвоздь*), а потом в результате сужения значения стал обозначать только костные образования во рту. Семантическая и деривационная связь между словами *зуб* и *зубр* была утрачена, что привело к опрощению последней основы, которая в современном русском языке стала непроемной: *зубр, зубриха* [5, I, 379, 8, 165; 9, II, 107; 6, I, 695].

Наименование животного, покрытого костным панцирем, *черепаха* этимологически представляет собой производное (суфф. -ах-, как в слове *рубаха*) от слова *череп* в первичном значении «скорлупа, покрытие». Первоначально лексема *черепаха* и обозначала «костную оболочку, панцирь», а к современному значению привело метонимическое переосмысление. В слове *череп* произошли сужение и специализация значения «скелет головы у позвоночных животных и человека» [8, 535; 5, II, 366; 9, IV, 341; 6, IV, 593]. Все это способствовало тому, что два этих слова – *череп* и *черепаха* – оказались не связанными друг с другом, а существительное *черепаха* утратило суффикс: *черепаха* [5, II, 366].

Суффиксальные дериваты *змей, змея* (суфф. -ьj-ь) восходят к тому же корню, что и слово *земля* (**zet* «низ» в звуковой разновидности **zъt*), т.к. они обозначали «пол-

зающую по земле тварь». Фонетические изменения способствовали утрате семантических связей между ними, поэтому в современном русском языке слова *змея* и *змея* являются непроизводными, их основа заканчивается согласным [j], который ранее был суффиксальным [5, I, 372; 8, 162; 9, II, 100; 6, I, 686].

Интересна история слова *хорь*, обозначающего того же «хищного зверька с ценным мехом», что и слово *хорек* [4, 797]. Существительное *хорь* является фонетическим видоизменением др.р. *дъхорь*, засвидетельствованного древнейшими памятниками славянской письменности и сохранившегося в ряде славянских языков (укр. *txip*, др.-чеш. *dchoř*, чеш. *tchoř*; слов. *tchor*). Древнерусская лексема была образована с помощью предметного суффикса *-орь* от основы *дъх/дых*, которая легко семантизируется, т.к. представлена и в глаголе *дъхнути* «пахнуть, издавать неприятный запах». Таким образом, животное получило наименование потому, что издавало неприятный запах, буквально «пахнувший(зверь)». Дальнейшая история этого слова в русском языке такова: *дъхорь* > *дохорь* (после утраты редуцированных в слабой позиции); *дохорь* > *тхорь* (после ассимиляции по глухости); *тхорь* > *хорь* (после упрощения групп согласных). Такие же процессы произошли как в др.р. глаголе *дъхнути* > совр. *тхнуть* «плохо пахнуть», так и в причастии *здъхлыи* - совр. прилагательное *затхлый* «дурно пахнувший».

Вследствие указанных процессов основа слова *хорь* в сознании носителей языка перестала ассоциироваться со звуковым обликом и значением производящей основы, подверглась опрощению и перестала быть производной: *хорь*, *хорек* [8, 523; 9, IV, 270; 6, IV, 561; 5, II, 343].

Современное слово *мотыль* представляет собой немотивированную лексему, обозначая «личинку комара красного цвета, служащую наживкой при ловле рыбы» [4, 333]. Исторически же эта лексема была семантически и деривационно связана с глаголом *мотать* «махать, вертеть, колебать» и входила в обширное число лексем, производных от этого глагола [6, II, 350-352]. Слово *мотыль* имело ряд словообразовательных вариантов и синонимов (*мотыль*, *мотылек*, *мотылец*, *метляк*, *метелок*; *бабочка*, *порхунок* и др.), которые подтверждают более широкую его семантику в древности. Основным, первичным значением было то же, что в современном слове *мотылек* «небольшая бабочка»; другим – «плоская глиста в печени овец» (это значение сохранилось в некоторых славянских языках: сербохорв. *метиль* «глист, печеночный червь»). Но фиксировались и такие, как «ветренный непостоянный человек», «лебедка, рукоять для кругооборота, рычаг в машинах и механизмах», *токарный мотылек* «хомутик с винтом» для укрепления предмета в токарном станке и т.п. Первое значение сохранилось только у слова *мотылек*, техническое значение архаизировалось, заменившись новыми терминами. За словом *мотыль* закрепилось второе и то сузившееся значение «червь» определенного вида. Все это привело к разрыву связей этого слова со всеми словами, производными от глагола *мотать*, в том числе и со словом *мотылек*. Оба они подверглись опрощению морфемной структуры, поэтому являются с точки зрения современного русского языка самостоятельными, не родственными и не мотивированными [8, 273; 5, I, 633; 9, I, 665; 6, II, 351].

Для современных носителей языка слово *белка* совсем не ассоциируется с признаком, который положен в основу его названия (по цвету меха), т.к. белки имеют мех коричневого цвета. Такой зверек ранее имел другие наименования: *веверица* и *векша* [9, I, 282, 287; 6, I, 175]. Название по цвету меха «белая» относилось первоначально к редкой и дорогой породе этих зверьков с белым мехом и передавалось словосочетанием *бела веверица*, т.е. белая векша. Потом в результате сжатия словосочетания и суффиксации образовалась лексема *белка*, вначале включавшая семантику исходного словосочетания, а затем расширила значение и стала обозначать любую белку без указания на породу и цвет шерсти. Это привело к разрыву родственных связей с производящей

основой слова *белый* и к утрате суффиксальной морфемы: *белка*, *белочка* [5, I, 90; 8, 28; 6, I, 155; 9, I, 148].

Имеет непроемную основу и лексема *гадюка* [5, I, 208], хотя была образована путем суффиксации от слова *гад*. Утрате связей этих дериватов способствовали семантические сдвиги в производящем слове, развитие яркой коннотации и ограничение сферы его употребления. Существительное *гад* обозначало любых ползающих животных, противных человеку, позже было вытеснено такими терминами, как земноводные и пресмыкающиеся. Благодаря яркой отрицательной коннотации слово *гад* сохранилось в сниженных стилях речи для характеристики людей. Слово же *гадюка* осталось названием только одного вида ползающих животных [6, I, 340; 9, I, 381; 4, 116].

Исследование подтвердило, что одной из главных причин, которая провоцировала забвение исконного морфемного состава слов, является потеря мотивационных связей между родственными лексемами.

Литература

1. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973.
2. Ольшанский, О.Е. Опрошение в результате семантического преобразования слова / О.Е. Ольшанский // Русский язык в школе. – 1975. - №6.
3. Ольшанский, О.Е. Опрошение в результате семантического преобразования слова / О.Е. Ольшанский // Русский язык в школе. – 1977. - №1.
4. Словарь русского языка / Сост. Е.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1978.
5. Словообразовательный словарь русского языка. В двух томах / сост. А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985.
6. Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В.Н. Даль. – М.: Русский язык, 1978.
7. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во Московского университета, 1968.
8. Этимологический словарь русского языка. Более 5000 слов / Сост. Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989.
9. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. М.Фасмера. – М.: Прогресс, 1964.

Ю.М. Галковская (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

СОВРЕМЕННЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

Средством выражения содержательного отношения человека к социальной действительности является система ценностных ориентаций. Невзирая на тот факт, что проблеме социального кода жизнедеятельности отведена одна из ведущих ролей в современном социо-гуманитарном знании (исследования И.К. Комаровой, С.В. Рыбчак, Л.Г. Титаренко, Л.И. Науменко и мн. др.), изучение личностных аксиологических установок сквозь призму номинативных приоритетов человека до настоящего времени не предпринималось. Вместе с тем номинативная сфера может служить источником информации о духовной культуре народа и являться своеобразным «зеркалом», отражающим ракурс восприятия событий и явлений действительности. Такой подход к исследованию внесет вклад в составление лингвокультурного портрета жителя определенной территории, а также будет способствовать выявлению специфики национального мировидения в единицах, менее всего изученных с этих позиций.

Каждое общество характеризуется своей аксиологической структурой, иллюстрирующей его самобытность. Витебский приграничный регион является той маргинальной областью, население которой на протяжении длительного времени тесно взаимодействует с западными (Литва, Латвия) и восточными (Россия) соседями. В условиях близости межгосударственной границы и высокой межнациональной контактности образовалась «специфиче-